

КАТАЛОГ РУКОПИСЕЙ МАТЕНАДАРАНА ИМЕНИ МАШТОЦА, том I.

Составили О. Еганян, А. Зейтунян, А. Антабян.

Введение О. Еганяна, под редакцией Л. Хачикяна, А. Мнацаканяна.

Издательство Академии наук Армянской ССР. Ереван, 1965,
1635 стр., цена 6 руб. (на арм. языке)

Коллекция армянских рукописей Матенадарана имени Маштоца является самой богатой в мире. Во время составления первого тома данного «Каталога» здесь насчитывалось 10 171 фолиант и 1683 фрагмента. В основе армянских рукописей Матенадарана лежит собрание рукописей Эчмиадзинского монастыря, библиотека которого имеет полуторатысячелетнюю историю.

Попытки составить каталоги имеющихся в Эчмиадзинском монастыре рукописей были предприняты давно. Еще в 1828 г. Манвел Гюмушханец составил первый каталог, в котором дал описание 1809 рукописей. В 1837 г. Ованес Шахатунянц составил второй каталог, включавший описание 2740 рукописей. Этот каталог был переведен на русский язык и издан в 1840 г. Броссе. В конце 40-х годов прошлого века Шахатунянц окончил работу над составлением нового, тематического каталога, который был переведен на французский язык и издан Броссе в 1849 г.

Однако все эти каталоги не отвечали требованиям развивающейся науки, и в 1863 г. в Тифлисе Акопом Каренянцем был издан новый каталог, известный до сих пор как «Каталог Каренянц», составленный вардапетом Даниелом Шахназарянцем и Андреасом Константинопольским. В нем были описаны все имевшиеся тогда в Эчмиадзинском монастыре 2338 рукописей.

Одновременно в Эчмиадзине велась большая работа по собиранию разбросанных по миру армянских рукописей. В начале 1921 г., когда Декретом Ревкома Армении рукописи Эчмиадзинского Матенадарана стали достоянием созданного 5 февраля 1921 г. Культурно-исторического института, их насчитывалось 6576.

В годы Советской власти число рукописей Матенадарана почти удвоилось. Кроме армянских, в Матенадаране имеется много иноязычных рукописей, большей частью арабских и персидских, а также греческие, сирийские, грузинские, еврейские, эфиопские, латинские, русские и др.

Во введении (стр. 12—214) О. Еганян дает подробную историю Матенадарана с V в. до наших дней, указывает, когда и каким образом были собраны рукописи. Он подробно останавливается на всех изданных (60 названий) и неизданных (76 названий) каталогах армянских рукописей, составленных у нас и за рубежом.

Первый том Каталога рукописей Матенадарана имени Маштоца дает краткое описание 5000 армянских рукописей. При описании сообщаются следующие данные: время написания рукописи, место написания, имя писца, иллюстратора, перешлетчика, заказчика, количество листов рукописи, материал, количество столбцов на странице, вид письма, количество строк на каждой странице, наличие миниатюр, перешлетный материал, памятная запись писца, получателя, записи последующего времени, а затем — краткое содержание рукописи.

Книга имеет подробные указатели:

1) Хронологический. Здесь в хронологической последовательности приведены все 5000 рукописей с указанием №№ в собрании Матенадарана; древнейшая из них датирована IX в.

2) Указатель имеющихся в рукописях памятных записей, а также других записей и помет, не связанных с содержанием рукописи.

3) Указатель содержания рукописей. Все 5000 рукописей, согласно их содержанию, разделены на отдельные группы с указанием №№ рукописей. Имеются группы: историография, поэзия, география, философия, право, церковные каноны, грамматика, арифметика, космография, календарь, музыка, химия, медицина, ботаника, Библия, Евангелие, Талмуд, Коран, жития, богословско-догматические произведения, речи, риторические сочинения, минология, эротология, толкования, песнопения, плачи, псалмы, рассказы, проповеди, басни, вопросы и ответы, видения, наставления мудрых, о растениях и животных, о драгоценных камнях, мера и вес и т. д.

4) Список фрагментов — защитных листов рукописей, с указанием их содержания и № рукописи, в которой они находятся.

5) Список географических названий.

6) Список личных имен.

Указатели составлены О. Еганяном.

Каталог рукописей Матенадарана представляет большой интерес не только для арменоведов, но и для антиковедов, медиевистов и особенно — для византинистов и сириологов. Византинисты, в частности, теперь могут легко узнать, какие византийские памятники имеются в армянских переводах. Прилагаю далеко не полный список авторов, труды которых переведены на древнеармянский язык и находятся среди описанных в первом томе «Каталога» 5000 рукописей: Августин, Афанасий Александрийский, Афиноген, Акакий Мелитенский, Анастасий Синаит, Анатолий, Антоний Римский, Василий Кесарийский, Геннадий Константинопольский, Григорий Чудотворец, Григорий Назианский, Григорий Нисский, Дионисий Ареопагит, Елифаний Кипрский

Евагр, Ефталий, Евсевий Александрийский, Евсевий Эмесский, Евсевий Кесарийский, Ефрем Сирий, Игнатий Антиохийский, Иринеи, Киприан Анкирский, Кирилл Иерусалимский, Кирилл Александрийский, Иероним, Ипполит Римский, Макарий, Немесий, Нил, Ноннос, Петр Александрийский, Прокл, Псевдокаллистен, Севериан, Сильвестр, Серапион Тмутский, Тимофей Элур, Феликсиан, Филоксен, Феофил Александрийский, Филон Александрийский, Филон Еврей, Фотий и т. д.

Из древнегреческих авторов в древнеармянских переводах имеются: Гомер, Галлен, Дионисий Фракийский, Зенон, Иппократ, Иосиф Флавий, Клавдий Птолемей, Порфирий, Евклид, Феон Александрийский и др. Переводы трудов Аристотеля и древнеармянские их толкования можно встретить в более чем 220 рукописях.

Р. Б.

H. KOPSTEIN. ZUR SKLAVEREI IM AUSGEHENDEN BYZANZ. BERLIN, 1966, S. 134.

В то время, как существование рабства в раннесредневековой Византии не вызвало сомнений, обычно считалось, что в поздний период византийской истории рабство практически перестало существовать¹. Х. Кэпштейн, сотрудница Института греко-рических древностей в Берлине, выступила против этого тезиса и, собрав материал разнообразных источников, исследовала терминологию поздневизантийского рабства (XIII—XV вв.), его источники, сферу применения рабов и их статус. Особенно следует подчеркнуть, что автор, не ограничиваясь византийскими документами, широко привлекает данные нарративных источников, а также итальянские акты². Всесторонняя картина обрисована с необходимой осторожностью, и вместе с тем исследовательница не останавливается в растерянности перед разноречивостью источников, но приходит к выводам, представляющимся убедительными.

Хотя рабство и существовало в Византии XIII—XV вв. и византийцы участвовали в работорговле (стр. 95—97), применение рабства было весьма ограниченным: никакими источниками не засвидетельствовано применение рабов в сельском хозяйстве, ремесле, горном деле, на галерах (стр. 110—114); труд рабов использовался исключительно в домашнем хозяйстве государей, знати, купечества и высшего духовенства (стр. 103—110)³. Соответственно источники рабства были незначительными: хотя мы слышим время от времени о продаже византийцами пленников в рабство (особенно показательный пример Ducas, p. 323. 4—7: см. стр. 69, 97, прим. 1), ни война, ни пиратство, ни работорговля, ни естественный прирост не давали в империи значительного притока невольников (стр. 132). Любопытно в этой связи развитие в Византии представления о недопустимости порабощения православных (стр. 58 сл.); впрочем, из приводимого самой Кэпштейн материала (стр. 95) видно, что этот принцип далеко не всегда применялся; можно добавить, что изданный Дж. Феррари формуляр XIII в. (см. выше, прим. 2) называет русских на первом месте среди византийских рабов.

Очень осторожно трактован вопрос о положении рабов в Византии: Кэпштейн подчеркивает, что правовые сборники XIV в. не учитывали коминновское законодательство о рабах и отражали давно уже пройденный этап; вместе с тем устаревшие правовые нормы продолжали оказывать влияние на сознание людей и, в частности, вели к негативной оценке рабства (стр. 124 сл.).

Анализ терминов для рабов и рабства приводит Кэпштейн к выводу об отсутствии строгой терминологии византийского рабства, что, по ее мнению, является одним из свидетельств незначительности роли рабов в империи (стр. 134); впрочем, неопределенность терминологии вообще свойственна средневековью, и из одного факта терминологической «рыхлости» вряд ли можно делать какие-либо выводы. Многозначность таких терминов, как *δουλος*, показана очень убедительно (стр. 32—37) — пожалуй, менее ярко обнаруживается сохранение за ними старого значения — «раб». В связи с терминологией рабства позволю себе несколько уточнений и дополнений: Кэпштейн, к сожалению, не анализирует такие производные от *δουλος* термины, как *ιπδουλος* или

¹ Обзор историографии дан во введении (стр. 21—26). См. подробнее: H. K ö p s t e i n. Die byzantinische Sklaverei in der Historiographie der letzten 125 Jahre. — «Klio», 43—45, 1965, S. 560—76. Поскольку Кэпштейн затрагивает также историографию ранне- и средневизантийского рабства (см. особенно стр. 23, прим. 1), можно указать на пропуск некоторых существенных для этой темы работ, например Г. Г. Л и т а в р и н. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960, стр. 181—192.

² В какой-то мере круг источников мог быть расширен за счет формуляров XIII в., в том числе формуляров отпущенных грамот (G. F e r r a r i. Formulari notarili inediti dell'età bizantina. — «Bullettino dell'Istituto storico italiano», 33, 1913), или писем середины XV в., где идет речь о судьбе византийских пленников (J. D a r r o u z è s. Lettres de 1433. — REV, 22, 1934).

³ Хотя Кэпштейн критикует мои высказывания о вырождении рабства в поздней Византии (стр. 54, прим. 6; стр. 132, прим. 1), расхождения между нами не столь велики, как ей кажется: ведь и я признавал сохранение рабов в качестве челяди (А. П. К а ж д а н. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 134).